

ВЭНЬ ЛЯНЬ и ХУ ФУ

ЧАСТИ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Проблема разграничения речи — одна из проблем, наиболее длительно дискутируемых в отечественных лингвистических кругах. Почти в любой книге или статье дается какой-либо способ классификации слов: одни из них сходны по терминологии и различны по содержанию, другие сходны по содержанию и различны по терминологии. Что касается количества частей речи, то минимально насчитывают 8—9 частей речи, максимально же вплоть до 23 частей речи.² Это представляет немалые трудности для начинающих.

Чем вызван такой разноречивой? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к рассмотрению основных взглядов лингвистов на проблему разграничения частей речи.

Вообще говоря, у лингвистов имеются два различных подхода к классификации слов по частям речи. Одни считают, что классификация слов является весьма важным звеном для исследования грамматики китайского языка. Так, Чэнь Ван-дао говорит: «В обычных грамматиках разграничивают две области исследования: одну можно назвать учением о слове, другую можно назвать учением о предложении. Учение о слове некоторые называют также учением об отдельном слове (с точки зрения содержания и объема — это учение о членении слова). Учение о предложении некоторые называют учением о расположении слов или учением о соединении слов (с точки зрения содержания и объема — это учение о членении предложения).

Содержание учения о предложении в приложении к различным языкам не имеет резких различий в зависимости от этих языков и, пожалуй, может быть перенесено с одного языка на другой. Что же касается содержания учения о слове, то в этой области в разных языках имеются очень большие особенности. Для каждого языка необходимо изыскивать

¹ Журн. «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), 1954, февраль (№ 20), март (№ 21). Перевод дается с незначительными сокращениями, касающимися главным образом примеров. — Н.С., В.С.

² В «Грамматике» Ма Цзянь-чжуня (Ма ши вэньтун) выделяется 9 частей речи; в работе Чжао Юань-жэня «Грамматика пекинского разговорного языка» — 11 частей речи; в работе Ли Цзинь-си «Новая грамматика современного литературного языка» — 9 частей речи; в «Лекциях по грамматике и стилистике» Люй Шу-сяня и Чжу Дэ-си — 8 частей речи; в статье Ван Ляо-и (Ван Ли) «Части речи в китайском языке» [журн. «Юйвэнь сюэси» («Языковая учеба»), 1952, апрель] намечается 9 частей речи; Группа грамматики Ин-та языкознания Китайской Академии наук намечает 11 частей речи (см. «Лекции по грамматике», «Чжунго юйвэнь», 1952, август); Гао Мин-кай в статье «Слова китайского языка» («Юйвэнь сюэси», 1952, май) намечает 23 части речи. В последнее время Гао Мин-кай пришел к заключению, что в китайском языке вещественные слова не разграничиваются на существительные, глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи (см. «Проблема частей речи в китайском языке», «Чжунго юйвэнь», 1953, октябрь). (Эта статья проф. Гао Мин-кай дана в переводе в настоящем номере нашего журнала. — Ред.).

свои пути решения этого вопроса. Именно с этой проблемы и надо начинать изучение грамматики любого языка»¹.

В противоположность приведенному высказыванию некоторые лингвисты, например Ван Ли, считают, что «за последние 20—30 лет китайские лингвисты спорили в основном о проблеме классификации слов по частям речи и о терминах. Например: на сколько категорий следует делить китайские слова; следует ли включать слово со (многозначный служебный элемент современного литературного языка. — Н.С., В.С.) в число местоимений; следует ли называть слова *чу* „выходить“, *жу* „вступать, входить“, *цзюй* „обитать“, *чжу* „жить, останавливаться“ и т. п. „относительными непереходными глаголами“; следует ли считать слова *ю* „иметь, иметься“ и *цзай* „существовать“ „вспомогательными глаголами“² и т. д. Таким образом, споры касались лишь внешней стороны грамматики, но не ее существа»³.

Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си пишут: «Части речи выделяются для удобства изложения грамматики»⁴. Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си полагают, что грамматика китайского языка состоит только из одной части — синтаксиса. Они также считают, что при объяснении структуры предложения только ради удобства даются определенные наименования строительному материалу, образующему элементы структуры предложения. Они думают, что классификация слов не имеет сколько-нибудь важного значения для исследования грамматики китайского языка.

Мы считаем, что части речи объективно существуют в нашем языке. Разграничение частей речи проводится для того, чтобы выявить эти объективно существующие категории в виде какой-то системы.

Сталин говорит нам, что словарный состав является строительным материалом языка. Нечего думать о том, чтобы без тщательного упорядочения и классификации строительного материала можно было успешно вести строительную работу. Необходимо отметить, что в китайском языке несомненно имеются части речи, несомненно также, что разграничение частей речи имеет важное значение для исследования грамматики.

Конечно, «в разных языках могут иметься различные части речи, системы частей речи в разных языках также могут быть несходными»⁵. Если наш язык и другие языки обладают разными специфическими особенностями, то мы не можем заимствовать «категорий других языков для того, чтобы облекать в них наши слова», иначе пришлось бы «подрезать ноги, чтобы всунуть их в башмаки». Это значит, что при изучении грамматики какого-либо языка надо не только уяснить то общее, что имеет этот язык с другими языками, но, что еще более важно, выявить специфические особенности данного языка. Ван Ли известен своим вниманием к специфике китайского языка, велик его вклад в дело изучения китайской грамматики, однако важность проблемы разграничения частей речи не поднята им на должную высоту. Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си, с одной стороны, признают, что с точки зрения теории грамматики очень важно разграничить части речи, с другой же стороны, говорят, что в практи-

¹ См. «Чжунго зньфа гэсинь таолунь цзи» («Сборник дискуссионных статей по реформированию китайской грамматики»), стр. 86—87; Ф а н Г у а н - т а о также держится подобного взгляда. См. его «Тиси юй фанфа» («Система и метод») (указ. сборник, стр. 57).

² Термин «вспомогательный глагол» не отражает этимологии китайского термина «гундунцы», что дословно значит «сходный с глаголом». Термина, адекватного «гундунцы», в русской литературе нет. — Н. С., В. С.

³ В а н Л и, Чжунго юйфа лилунь («Теория китайской грамматики»), т. 1, стр. 4.

⁴ «Юйфа сюэ цзынхуа» («Лекции по грамматике и стилистике»), лекция 1, стр. 10.

⁵ «Чжунго юйвэнь», 1953, май, стр. 31

ческом отношении эта проблема отнюдь не является важнейшей частью грамматики¹. Конечно, если рассматривать теорию и практику как две различные вещи, то данный вопрос не может вызывать у них интереса.

Почему же некоторые языковеды недооценивают значение классификации слов по частям речи?

Дело заключается в методах классификации. Они обычно классифицируют отдельно взятые слова. В языках синтетических классифицировать по частям речи изолированные слова — возможно (это не значит, конечно, что надо полагаться только на один этот критерий²), поскольку в таких языках отдельно взятые слова обладают изменением форм. Например, в английском языке три слова *glory, glorious, gloriously* представляют одно и то же понятие «гуанжун» (слава), однако каждое из этих слов имеет свой собственный облик, различаясь за счет суффиксов. Первое слово — существительное, второе — прилагательное, третье — наречие. Исходя из различия форм этих слов, мы распределяем их по разным категориям. В нашем же языке у отдельно взятых слов изменений форм сравнительно немного, брать в качестве критерия классификации одни лишь формы слова — недостаточно. Поэтому если в качестве объекта классификации по частям речи брать изолированные слова, то в основу такой классификации придется положить критерий семантический. Однако при использовании семантического критерия для классификации изолированных слов неизбежно возникает множество трудностей. Например: «одно и то же слово *жэнь* „человек“ в выражении *жэнь ци жэнь* „очеловечить его людей“ во втором употреблении называют существительным, в первом — глаголом, а в выражении *ши жэнь ли эр ци* „кабан встал по-человечьи и заплакал“ слово *жэнь* называют наречием...³. Но разве это не идет к тому выводу, что слова не могут быть отнесены к определенным категориям? Взамен таких категорий лингвисты ввели понятия: «основная принадлежность», «условная принадлежность» и «измененная принадлежность». Они говорят: «так называемая основная принадлежность может быть присуща слову вне зависимости от влияния других слов; так называемая условная принадлежность временно устанавливается за словом для удобства анализа предложения; так называемая измененная принадлежность есть принадлежность, которую слово получает, меняя свою основную принадлежность, в зависимости от позиции и под влиянием других слов⁴».

Однако возникает вопрос, откуда берется эта основная принадлежность, если слово не испытывает влияния других слов? Например, *жэнь* «человек» и *юнь* «облако», согласно Ван Ли, по своей основной принадлежности должны быть существительными. Однако у самих этих слов, взятых изолированно, мы не обнаруживаем никаких формальных признаков, которые говорили бы нам, что эти слова относятся к категории существительных. Совершенно очевидно, что сказать, что они по основной принадлежности — существительные, значит исходить только лишь из их семантики. Поясним нашу мысль следующим высказыванием Гао Мин-кая: «В словах *шань* „гора“, *шуй* „вода“, *юй* „рыба“, *жэнь* „человек“ и т. д. мы не можем обнаружить никакой части их звуковой формы, которая говорила бы нам, что эти слова относятся к категории существительных. У них совершенно отсутствуют какие-либо специальные формы, указывающие на их значения как существительных. Слова *шань* „гора“, *шуй*

¹ «Юйфа сюди цзяньхуа», лекция 1, стр. 10.

² Т. е. изолированно взятое слово. — Н. С., В. С.

³ См. «Чжунго юйфа дилунь», т. 1, стр. 4. (Приведенные в данной цитате примеры взяты из ныне мертвого древнелитературного языка *ваньян*. — Н. С., В. С.).

⁴ Ван Ли, Чжунго юйвань цзяньхуа («Лекции по китайскому языку»), стр. 43

„вода“, юй „рыба“, жэнь „человек“, конечно, имеют значения, но эти значения указывают лишь на то, что данные слова обозначают именно „гору“, именно „воду“, именно „рыбу“, именно „человека“, но они отнюдь не указывают на то, что эти слова суть существительные. Необходимо помнить, что для признания таких слов существительными к значениям „гора“, „вода“ и т. д. должно быть присоединено еще значение „существительного“, а чтобы ясно было, что эти слова суть существительные, нужна форма, которая специально указывала бы на их значение как существительных¹.

Вернемся к тому, что говорилось выше. Если даже мы допустим, что изолированное слово может быть по своему значению отнесено к определенной части речи, то все равно могут встретиться трудно разрешимые вопросы. Например, «для некоторых слов—таких, как *фулань* „разложиться, гнилой“, *цзиньжэ* „горячо любимый, горячо любить“, *цинсин* „трезвый, протрезветь“, *маму* „бесчувственный, одеревенеть“, — отнюдь не легко установить, чем они являются в своей основе—прилагательными или переходными глаголами². Почему же здесь трудно провести разграничение?

Галкина-Федорук говорит нам: «Человеческое мышление абстрагирует, обобщает и классифицирует познаваемые явления. Одно и то же явление действительности, рассматриваемое под углом зрения вещественности, представляет собой предмет; под углом зрения присущего ему действия — является действием; под углом зрения присущих ему качеств — является свойством. В результате обобщения различных предметов получается „предметное“ понятие, появляется существительное, в результате обобщения различных действий получается понятие „действия“, появляется глагол, в результате обобщения различных свойств появляется понятие „качества“, появляется прилагательное³.

Из этих слов мы можем заключить, что в зависимости от угла зрения одно и то же явление осмысливается по-разному. «Закончившееся действие превращается в состояние»; «действие, реально не проявившееся и лишь могущее реализоваться, становится качеством», действие и состояние «не являются совершенно изолированными, на самом деле они тесно связаны⁴. Отсюда видно, что если не исходить из формы, а лишь полагаться на значение, то решить вопрос будет трудно. Достаточно взять хотя бы один пример, чтобы показать невозможность, исходя только лишь из семантики, различать характер слов. В выражениях *гоу цзяо* «собака лает» и *гоу ды цзяо* «собачий лай» оба *цзяо* с точки зрения семантики указывают на один и тот же объективный факт и должны быть причислены к одной и той же категории. Однако говорить, что между ними нет разницы, что и то и другое следует рассматривать как действие, значит безусловно делать натяжку!

Если классифицировать слова, взятые изолированно, и при разграничении частей речи исходить исключительно из семантики, то полученная классификация, если она и удастся, будет лишена практической ценности. Например, при переводе на английский язык выражений *гуан-жун ды чжунго жэньминь* «славный китайский народ» и *чжунго жэнь-*

¹ «Чжунго юйвэнь», 1953, октябрь, стр. 14.

² «Юйфа сюэи цзянхуа», лекция 2, стр. 39.

³ «Чжунго юйвэнь», 1953, октябрь, стр. 13. (Судя по ссылке, данная цитата взята из статьи проф. Гао Мин-кай «Проблема частей речи в китайском языке», печатающейся в переводе в настоящем номере нашего журнала, и, как указано в примечании к соответствующему месту перевода, представляет собою сокращенный пересказ одного места статьи Е. М. Галкиной-Федорук из сборника «Против вульгаризации и извращения марксизма в языковедении», ч. II, М., 1952, стр. 381. — *Ред.*.)

⁴ Л ю й Ш у - с я н, Чжунго вэньфа яолюэ («Основы китайской грамматики»), т. I, стр. 92, 95.

минь ды гуанжун «слава китайского народа» в первом случае будет употреблено прилагательное *glorious*, во втором существительное *glory*. Зная разницу между этими словами, невозможно ошибиться при употреблении их.

В китайском языке у отдельно взятого слова изменение по формам представлено не богато. Оба *гуанжун* («слава» и «славный») в китайском языке одинаковы.

Если не исходить из формы и классифицировать слова, взяв их изолированно, то получится классификация ради классификации, практическая ценность которой будет не велика. Возьмем, например, существительные. Они включаются лингвистами в число вещественных слов, поскольку их значение реально. Что же касается местоимений, то ряд лингвистов считает их словами служебными, но поскольку местоимения являются заместителями слов вещественных, их можно относить к полуслужебным словам¹.

В полуслужебных словах «служебного» больше, чем «вещественного», значит местоимения, естественно, будут скорее относиться к служебным словам, у которых «значение почти отсутствует». Мы знаем, что со стороны формы существительные как будто бы очень близки к местоимениям. Во-первых, и те и другие могут служить подлежащим и дополнением; во-вторых, и те и другие в большинстве случаев могут присоединять к себе *минь* (суффикс множественности.— Н. С., В. С.) и т. д.²

Если же исходить исключительно из семантики, то одни (существительные) будут отнесены к вещественным словам, другие (местоимения) — к служебным, что в практическом отношении ничего нам не даст.

Разграничение частей речи важно. Советский китаевед Драгунов в своей работе «Исследования по грамматике современного китайского языка» говорит: «Лексико-грамматические категории лежат в центре грамматической системы, отражаясь и в построении словосочетания, и в разных типах предложений. Вне этих категорий нельзя понять структурных особенностей китайской речи и было бы невозможно излагать грамматику китайского языка»³.

В этих словах правильно и полно оценивается значение разграничения частей речи в нашем языке. В китайском языке, в котором у отдельно взятого слова изменений по формам не много, при разграничении частей речи необходимо исходить из конструкций, из взаимосвязи слов, из их сочетаний, т. е., иначе говоря, надо исходить из морфологии. «Части речи являются разрядами слов, выявляемыми за счет определенных морфологических показателей»⁴. Классифицировать надо не изолированно взятые слова, а слова, взятые в различных конструкциях, исходить надо не из семантики, а из формы; только таким образом выделенные части речи «могут разъяснить структуру языка, дать указание на употребление слов»⁵, поскольку «классификация слов изучается с целью изучения структуры языка, для приведения грамматики в систему, с тем чтобы выявить постоянную и тесную связь структуры языка с частями речи»⁶.

*

Что же такое форма? Понятие «форма» имеет два значения — широкое и узкое. Форма в узком смысле слова означает суффиксы и префиксы

¹ В а н Л и, Чжунго юйфа ганъяо («Основы китайской грамматики»).

² Жу р н. «Юйвэнь чжиши» («Знание языка»), 1953, май, стр. 15—16.

³ «О китайском языке», «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 26. (Цитата из работ А. А. Драгунова приводится по статье Н. И. Конрада «О китайском языке», В. Я., 1952, № 3.— Н. С., В. С.).

⁴ «Чжунго юйвэнь», 1953, май, стр. 31.

⁵ «Юйвэнь чжиши», 1953, май, стр. 15. Приводятся слова Чэнь Ван-дао.

⁶ Там же.

отдельного слова. Например, в английском языке к существительным во множественном числе прибавляется *s* (*a boy, two boys*), глаголы изменяются по временам (*work, worked*), прилагательные изменяются по степеням сравнения (*high, higher, highest*), местоимения имеют «родовые» различия (*he, she, it*), падежные различия (*he, his, him*). Далее. Слова, имеющие суффиксы *-ly, -ry, -ce, -ness, -tion, -ment, -or, -er* и т. д., являются существительными; имеющие суффиксы *-al, -el, -is, -ful, -ish, -ous, -ive, -able, -ible* и т. д. — прилагательными; имеющие суффикс *-en* — глаголами; суффикс *-ly* — наречиями. Такие суффиксы, присоединенные к концу слов и выражающие категориальную природу слова, которую мы определяем по ним с первого же взгляда, и представляют форму в узком смысле слова.

Форма в широком смысле, помимо изменений формы самого слова, включает в себя и взаимосвязи между словами, сочетания слов, порядок слов в словосочетаниях и т. д. Такая форма в широком смысле не может быть обнаружена у слова, взятого отдельно.

Имеется ли в китайском языке форма в узком смысле? Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Почти нет никого, кто не признавал бы, что *цзы, эр* и *тоу* являются суффиксами¹.

Также никто не станет отрицать, что слова, к которым присоединены эти суффиксы, являются словами одной категории. Но вопрос не в этом. Вопрос состоит в следующем: может ли прибавление таких суффиксов к слову влиять на свойства данного слова? Гао Мин-кай считает, что не может. Он пишет: «В китайском языке, конечно, тоже имеется форма. Прибавление к слову *баймянь* «белая мука» — «белый порошок» суффикса *эр* образует слово *баймяр* («героин»). *Эр* образует форму. Но прибавление этого суффикса не относит слово к другой части речи»².

Конечно, если брать этот пример, то прибавление *эр* не влияет на свойства слова. Иное мы видим в примерах:

(ряд I) *хо* «работать» — *хор* «работа»;

(ряд II) *пан* «толстый» — *панцзы* «толстяк»; *фын* «безумный» — *фынцзы* «безумец»; *ла* «острый, едкий» — *лацзы* «персц»;

(ряд III) *кань* «смотреть» — *каньтоу* «достопримечательность»; *сян* «думать» — *сянтоу* «мысль»; *ку* «горький» — *кутоу* «печаль, страдание»; *чи* «есть» — *читоу* «еда».

В этих примерах в зависимости от наличия или отсутствия *цзы, эр* и *тоу* меняются свойства слов. Мы не можем не признать, что здесь налицо «формы, вызывающие изменения грамматических категорий (в узком смысле)»³. Кроме того, нельзя отрицать, что эти формы могут оказать нам помощь при разграничении частей речи. В то же время мы также должны признать, что такая помощь недостаточна. Поскольку в китайском языке отдельно взятые слова, могущие изменяться по формам, составляют в конце концов меньшинство, и их недостаточно, чтобы служить главным критерием выделения частей речи в китайском языке, постольку мы неизбежно вынуждены обращаться к форме в широком смысле.

Фан Гуан-тао писал: «Я считаю взаимосвязи слов, сочетания слов между собой не чем иным, как формой в широком смысле. Поскольку у отдельно взятых китайских слов собственных форм мало, постольку при различении частей речи, естественно, приходится обращаться к форме в широком смысле слова»⁴. Такая точка зрения является правильной.

Каким же образом разграничивать части речи, исходя из формы в ши-

¹ Речь идет о словообразующих суффиксах существительных. — Н. С., В. С.

² «Чжунго юйвэнь», 1953, октябрь, стр. 14.

³ Там же.

⁴ Фан Гуан-тао, указ. соч., стр. 44.

роком смысле слова? Например, мы можем сказать: *игэ жэнь* «один человек»; *лян-куай мо* «два куса туши»; *сань-чжи би* «три кисточки для письма»; *сы-бэнь шу* «четыре книги»; *у-бэй цзю* «пять рюмок вина»; мы также можем сказать: *чжэзэ жэнь* «этот человек»; *на-куай мо* «тот кусок туши»; *на-чжи би* «та кисточка для письма»; *чжэбэнь шу* «эта книга»; *на-бэй цзю* «та рюмка вина»; *чжэчжун даодэ* «эта мораль»; *начжун сысян* «такая идеология»; *моучжун гуицзо* «определенная работа». Поскольку слова *жэнь* «человек», *мо* «тушь», *би* «кисточка для письма», *шу* «книга», *цзю* «вино» могут сочетаться и с *игэ*, *лян-куай*, *сы-бэнь*, *у-бэй*, могут сочетаться и с *чжэ*, и с *на*; слова *даодэ* «мораль», *сысян* «идеология», *гуицзо* «работа» могут сочетаться с *чжэчжун*, *моучжун*, постольку, конечно, все эти слова могут быть отнесены к одной грамматической категории, могут быть определены как принадлежащие к одной и той же части речи.

Допустим, мы назовем их «существительными». В таком случае способность принимать впереди *игэ*, *чжэзэ*, *чжэчжун* и т. п. и будет формой существительных. Основываясь на этой форме, мы и устанавливаем, что слова, идущие после *игэ*, *чжэзэ*, *чжэчжун* и т. п., суть существительные. В этом и заключается способ разграничения частей речи на основе учета взаимосвязи слов и их сочетаемости.

Понятно, что формы существительных этим не исчерпываются. Кроме того, не все слова, идущие после *игэ*, являются существительными. Например, в словосочетаниях *чан игэ тункуай* «петь радостно» (дословно: «петь один веселый»), *да та игэ бань сы* «избить его до полусмерти» (дословно: «бить он полумертвый») слова *тункуай* «веселый», *бань сы* «полумертвый» не являются существительными. Каким образом можно отличить их от существительных? Для этого необходимо дополнительно привлечь другие формы.

Во-первых: мы можем сказать *игэ жэнь* «один человек», также можем сказать *цзюзэ жэнь* «девять человек», однако нельзя сказать *чан игэ тункуай* (дословно: «петь пять веселый»), *да та шисаньзэ бань сы* (дословно: «бить он тринадцать полумертвый»).

Во-вторых: мы можем сказать *игэ жэнь* «один человек», также можем сказать *чжэзэ жэнь* «этот человек» или *назэ жэнь* «тот человек»; однако нельзя сказать *чан назэ тункуай* (дословно: «петь то веселый»), *да та чжэзэ бань сы* (дословно: «бить он этот полумертвый»).

Таким образом, различие оказывается совершенно очевидным.

Далее. Другой ряд слов имеет следующие формальные особенности: 1) они могут впереди принимать *бу* «не», *хуэй* «уметь», *нэн* «мочь», *гань* «сметь», *гай* «должен» и т. п.; 2) на конце могут иметь *ла*, *чжо*, *го*, *цилай*, *сяцой*, *голай*, *гоцой* и т. п.¹; 3) могут удваиваться. При удвоении односложных слов между компонентами может вставляться *и* «один»; при удвоении многосложных слов удваивается все слово целиком, а не составляющие его компоненты. Например:

гань шо «осмелиться сказать»
шо-чжо «говоря говорит»
шо-шо «поговорить»

бу сяо «не смеяться»
сяо-ла «засмеяться»
сяо-сяо «посмеяться»

нэн пао «быть в состоянии бежать»
паоголай «перобежать»
пао-пао «побегать»

хуэй тчо «уметь прыгать»
тяосацой «спрыгнуть»
тчо-и-тчо «попрыгать»

гай сюси «должен отдохнуть»
сюсигэ «отдыхал, приходилось отдыхать»
сюси-сюси «отдохнуть, отдыхать немного»

гай чан «должен петь»
чанго «пел, певал»
чан-и-чан «попеть»

¹ Ла, чжо и т. п. в советской китаеведной литературе рассматриваются как различные видовые (или видовременные) суффиксы. — Н. С., В. С.

Если мы назовем слова этого ряда «глаголами», то формы, которые приведены выше, и будут формами глаголов¹.

Основываясь на подобных формах, мы можем считать, что слова *шо* «говорить», *сяо* «смеяться», *пао* «бегать», *тяо* «прыгать», *чан* «петь», *сюси* «отдыхать» являются глаголами.

Некоторые грамматисты считают также, что *нан* «мочь», *гань* «сметь», *хуэй* «уметь», *кэнь* «соглашаться» и т. п. сами по себе являются глаголами. Лу Чжи-вэй пишет, что «в качестве приглагольного дополнения могут выступать не только существительные и прилагательные. Например, *сян чифань* «собираюсь поесть» (дословно: «думаю есть»), *тянь хуэй гуа фын* «собирается ветер» (дословно: «небо может дуть ветер»), *во нан бянь* «я могу измениться»»².

Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си пишут: «*нан* „мочь“, *хуэй* „уметь“, *гань* „сметь“, *кэнь* „соглашаться“ являются подлинными глаголами, которые могут самостоятельно выступать в качестве сказуемого, например: *во хуэй* „я умею“, *ни нан* „ты можешь“, *та кэнь* „он согласен“, *ни гань?* „ты осмеливаешься?“».

Однако, поскольку в качестве дополнений к ним всегда выступают глаголы, мы полагаем, что вместе с последними они составляют сложное целое — одну единицу»³.

Такое толкование, на наш взгляд, является спорным. Конечно, перед этими словами можно поставить *бу* «не», например, *бу нан* «не мочь», *бу хуэй* «уметь», *бу гань* «не сметь», *бу кэнь* «не соглашаться», однако после этих слов нельзя поставить *го*, *чжо*; у них также исключено удвоение. Что касается утверждения, что эти слова приобрели качества глаголов, благодаря способности самостоятельно выступать в качестве сказуемого, то ведь не можем же мы признать глаголами слова *идин* «наверняка», *бу* «не, нет», которые также могут самостоятельно выступать в роли сказуемого, например: *во идин* «я — наверняка», *та бу* «он — нет».

Имеется еще одна группа слов, впереди которых можно поставить такие слова, как *чжэнь* «поистине, действительно», *шифэнь* «весьма, полностью», *фэйчан* «чрезвычайно, необычайно», *хэнь* «очень», а после которых могут иметься *цзила* «в высшей степени», *дэхэнь* «очень, чрезвычайно». Некоторые из слов этой группы могут удваиваться. К односложным словам после удвоения, как правило, присоединяются суффиксы (*эр*, *ды* и т. д.). При удвоении двусложных слов удваивается каждый компонент, а не все слово в целом. Например:

Куай «радостный» — *чжэнь куай* «действительно радостный», *фэйчан куай* «необычайно радостный», *шифэнь куай* «весьма радостный», *хэнь куай* «очень радостный», *куай цзила* «в высшей степени радостный», *куай-дэхэнь* «чрезвычайно радостный», *куайкуайды* «радостный-прерадостный», *куайкуайр* «радостный-прерадостный»⁴.

¹ Иногда говорят, что *ла*, *чжо* нельзя считать глагольными суффиксами, поскольку они еще не полностью приобрели характер суффиксов. Конечно, наряду с *чжила фань* «поел», *чжуаньчжо фань* «накладывает еду» можно сказать *чжилао фань* «наелся досыта», *чжуаньманьчжо фань* «накладывает еду дополна», т. е. вставить *бао* «досыта» и *мань* «полностью» между глаголом и суффиксом. В этом случае трудно считать, что *чжо* и *ла* попрежнему являются суффиксами. Однако в большинстве случаев *чжо* и *ла* непосредственно сочетаются с глаголами, поэтому нельзя, исходя из немногочисленных исключений, отрицать их суффиксальный характер.

² См. «Гюй даньиньцзы цыхуэй» («Словарь односложных слов современного литературного языка»), стр. 57.

³ Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си и Юйфа сюэи цзянхуа, лекция 1, стр. 27.

⁴ Удвоение дает интенсификацию качества. — Н. С., В. С.

Гуанжун «славный, блистательный» — *чжэнь гуанжун* «поистине славный», *шифэнь гуанжун* «весьма блистательный», *фэйчан гуанжун* «необычайно славный», *хэнь гуанжун* «очень блистательный», *гуанжун-цзила* «в высшей степени славный», *гуанжун-дэхэнь* «чрезвычайно славный».

Если эту группу слов мы назовем прилагательными, то всё выше перечисленное и будут формы прилагательных. Эти слова мы можем отнести к одной категории.

Необходимо обратить внимание на то, что среди глаголов имеется небольшая группа слов, обозначающих психические явления, как, например, *сян* «думать», *ай* «любить», *па* «бояться» и др., формы которых имеют много общего с формами прилагательных. Так, например, впереди они могут сочетаться с *шифэнь* «весьма», *хэнь* «очень»; на конце они могут присоединять *дэхэнь* «очень, чрезвычайно» и т. д.

Сян «думать», *ай* «любить», как правило, употребляются в качестве переходных глаголов. После них обычно имеются дополнения. Только в выражениях *сян-дэ юань* «задумал далеко», *сян бу-минбай* «не понимать умом» (дословно: «думать не понимать») эти глаголы не принимают дополнений. Но после таких глаголов может стоять *дэ* или *бу*, за которыми в свою очередь идут прилагательные: это — специфическая для глагола форма. Когда слово *па* «бояться» имеет дополнение, оно является глаголом, когда же не имеет — оно является прилагательным. В построениях типа *па-дэ лихай* «ужасно бояться» *па* является глаголом.

Некоторые сочетания слов¹, по структуре являющиеся глагольно-объектными словосочетаниями (*шансинь* «печальный, скорбный», дословно: «ранить сердце») или атрибутивными словосочетаниями (*хайцзыци* «наивный», дословно: «ребяческий характер»; *кэхэнь* «ненавистный», дословно: «заслуживающий ненависти»), по своим свойствам соответствуют прилагательным. Из чего это явствует?

Чжан Чжи-гун говорит: «Вообще говоря, в качестве сказуемого в предложении-описании² непременно должно выступать „синчжуанцы“ — прилагательное или словосочетание с прилагательным в качестве главного элемента.

Однако некоторые словосочетания в целом, хотя и не имеют в своем составе прилагательных или же, если и имеют, то прилагательные в них не являются главным элементом, тем не менее и по значению, и по роли равны прилагательным... фактически такие словосочетания уже весьма тесно слились, и мы их обычно употребляем как слова. Поэтому все сочетания слов, относящиеся к разряду таких привычных словосочетаний, могут служить сказуемым в предложении-описании³.

Приведенные слова Чжан Чжи-гуна не объясняют причины данного явления. Мы, однако, должны спросить: почему эти словосочетания, хотя они и не включают прилагательных или включают, но не в качестве главного элемента, в целом все же по значению и по роли одинаковы с прилагательными? Почему другие словосочетания типа *чифань* «есть», *душу* «учиться» отличны от них? Если к этому вопросу подходить только с точки зрения семантики, то дать ясный ответ будет довольно трудно. Если же к вопросу подходить с точки зрения формы, то ответить на него проще,

¹ Упоминаемые здесь автором такие сочетания слов («пыцзу»), как *шансинь* «печальный, скорбный», в советской китайской литературе обычно рассматриваются как сложные слова. — Н. С., В. С.

² Перевод термина «мясоцеэцжой» заимствован из русского перевода книги Ва н Ля о-и «Основы китайской грамматики» (М., 1954). — Н. С., В. С.

³ «Юйвэнь сюэси», 1952, май, стр. 45.

ибо словосочетания, о которых идет речь, обладают теми же формами, что и прилагательные:

Шансинь «печальный» — *чжэнь шансинь* «действительно печальный», *шифэнь шансинь* «весьма печальный», *фэйчан шансинь* «необычайно печальный», *хэнь шансинь* «очень печальный», *шансинь-цзила* «в высшей степени печальный», *шансинь-дэхэнь* «чрезвычайно печальный».

Возьмем четыре слова, для которых, по мнению Люй Шу-сяна и Чжу Дэ-си, трудно установить, чем они в своей основе являются — прилагательными или переходными глаголами, и посмотрим, можно ли в этом разобраться, если будем исходить из формы? Можно. Слово *фулань* «сгнить, разложиться» может быть лишь глаголом, поскольку оно сочетается с *чжо* и *ла*, например: *На-куай жоу цзай фуланьчжо, фачула чоуээй* «Тот кусок мяса гниет — он дурно пахнет»; *На-куай жоу фуланьла, ба та дяла ба* «Тот кусок мяса сгнил — брось его».

Слово *фулань* не прилагательное, поскольку оно не может сочетаться с *хэнь*, *чжэнь*, *шифэнь*, *фэйчан*, *цзила*, *дэхэнь* и образовывать выражения *хэнь фулань* «очень сгнить», *чжэнь фулань* «действительно сгнить», *фулань-дэхэнь* «чрезвычайно сгнить», *фулань-цзила* «в высшей степени сгнить» и т. д. Слово *фулань* иной природы, чем слова *фухуа* «разложение» и *фубай* «гнилой, разложиться».

Что касается слов *цинъюэ* «горячо любить, горячо любимый», *цинсин* «отрезветь, трезвый», *маму* «онеметь, бесчувственный», то они могут употребляться и как глаголы, и как прилагательные. Для различения принадлежности этих слов нужно опять-таки обратиться к их формам. Например: *Вомынь гай цинъюэ-цинъюэ* «Мы должны исполниться большой любовью» (глагол); *Тамынь лянэ жэнь цинъюэ-дэхэнь* «Они относятся друг к другу с большой любовью» (прилагательное); *Тады тоунао цинсинголайла* «Он отрезвел» (глагол); *Та ю хэнь цинсинды тоунао* «У него трезвая голова» (прилагательное); *Лян-чжи цзю маму-цилайла* «Обе ноги онемели» (глагол); *Та ши игэ фэйчан мамуды жэнь* «Он крайне бесчувственный человек» (прилагательное).

Очевидно, что если брать в качестве объекта классификации изолированные слова, а в качестве критерия классификации слов по частям речи только одно значение и не исходить из формы, то все время будут встречаться трудности.

Сколько же в конце концов имеется форм в китайском языке? На сколько частей речи надо разбить китайские слова? На эти вопросы мы пока еще не можем ответить. Если изложенные выше принципы применимы, то хотелось бы, чтобы лингвисты совместно поработали бы в этом направлении, выискали бы формы и, «опираясь на формы, установили категории, суммировав которые можно было бы создать их систему»¹. Тогда и части речи получили бы рациональное разграничение.

*

Имеются и другие лингвисты, которые считают, что слова вне предложения невозможно разграничивать по частям речи. Представителем этого направления является Ли Цзинь-си.

В работе «Новая грамматика современного литературного языка» он пишет: «Слова в предложении различаются по частям речи, вне предложения нет частей речи»², и далее: «В зависимости от своей позиции или функции в предложении все девять частей речи современного литера-

¹ Фан Гуан-тао, указ. соч., стр. 46.

² «Синь чжу гоуй зяньфа» («Новая грамматика современного литературного языка»), стр. 29, прим. 10.

турного языка¹ могут менять свою отнесенность к части речи; они не имеют строгого разграничения»². Ли Цзинь-си считает, что изолированные слова невозможно классифицировать по частям речи. Это правильно. Однако он говорит: «Слова в предложении различаются по частям речи, вне предложения нет частей речи» — это уже неверно. Выражение «слова в предложении различаются по частям речи» означает, что слово принадлежит к определенной части речи, только когда оно находится в предложении; выражение «вне предложения нет частей речи» означает, что слово, будучи взято вне предложения, изолированно, не принадлежит ни к одной части речи. В действительности же разграничение слов по частям речи должно быть проведено в сфере самого языкового материала. Изменение формы отдельного слова, взаимные отношения слов, сочетания слов между собой — все это составляет область языкового материала. Когда из этого материала формируется предложение, тогда он (материал) поступает в область функционирования языка. Анализ предложения основан на логике, поэтому термины, применяемые при анализе предложения, как, например, подлежащее, сказуемое, определение и т. д., являются терминами логики. Именно в силу различия объектов изучения и к языковому материалу, и к членам предложения должна применяться различная терминология. В этом-то как раз и заключается теоретическое обоснование того, почему мы выступаем против утверждения, что слова разграничиваются по частям речи только в предложении, и стоим за разграничение частей речи исходя из формы. Кроме того, объективные факты языка говорят в пользу такого нашего утверждения. Выше отмечалось, что *иэ жэнь* «один человек», *саньзэ пинго* «три яблока», *хао-дэхэнь* «очень хорошо», *сяожэ* «смеялся, смеется» — не предложения, однако мы можем исходя из самого сочетания слов определить природу этих слов. Далее, если действительно «вне предложения нет частей речи», то при приведении примеров частей речи пришлось бы привлекать целые предложения. Однако в работе «Новая грамматика современного литературного языка» в разделе существительных в качестве примеров приводятся только слова: *цяо* «мост», *тайян* «солнце», в разделе прилагательных в качестве примеров даются только выражения: *ицзо чан* *цяо* «один длинный мост», *нагэ вэньхэды тайян* «то теплое солнце». Поскольку «вне предложения нет частей речи», то откуда же известно, что *цяо* «мост», *тайян* «солнце» являются существительными, а *ицзо* «один», *чан* «длинный», *нагэ* «тот», *вэньхэды* «теплый» являются прилагательными? Впрочем в последнее время Ли Цзинь-си сделал очень серьезные поправки к этим своим прежним формулировкам³.

Выступая против положения о том, что слова вне предложения не могут быть классифицированы по частям речи, мы отнюдь не отрицаем тесной связи между анализом предложения и классификацией слов по частям речи. Поскольку в роли того или иного члена предложения должен выступать определенный строительный материал, необходимо остановиться на следующем вопросе.

Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си в «Лекциях по грамматике и стилистике» считают, что глаголы и прилагательные могут выступать в роли подлежащего и дополнения. Например: *Мань ши хаоды, кэ бу яо тай мань* «Медленно — хорошо, однако не должно быть слишком медленно» (прилагательное в качестве подлежащего); *Бу дун цзюши бу дун, бу яо чжуан дун* «Не понимаешь, так не понимаешь, не надо прикидываться, что по-

¹ Так мы передаем по-русски китайский термин «гоюй». — Н. С., В. С.

² «Синь чжу гоюй вэньфэ», § 6, стр. 6.

³ «Чжунго юйвэнь», 1953, сентябрь, стр. 10—11.

нимаешь» (глагол в роли подлежащего); *Бу па жэ чжи па лэн* «Не боится жары, только холода боится» (прилагательное в роли дополнения); *Ди-чжу па доучжэн* «Помещики боятся, что их „раскулачат“» (глагол в роли дополнения).

Чжао Юань-жэнь в «Грамматике пекинского разговорного языка» также признает, что глаголы могут употребляться в роли подлежащего.

В «Лекциях по грамматике», изданных группой изучения грамматики Института языкознания АН КНР, признается, что прилагательные и глаголы могут выступать в качестве дополнений.

Ли Цзинь-си, однако, придерживается другого мнения. Он пишет: «За последнее время грамматистами была выдвинута следующая точка зрения: „если основное значение слова не меняется, то его принадлежность к той или иной части речи тоже не меняется“.

Однако с точки зрения „членов“ предложения этот принцип оказывается неприменимым по следующим причинам: 1) во второй лекции Люй Шу-яня — „Словарный состав“ — даются примеры перехода слов *вайсянь* „опасный, опасность“, *цаньюй* „остаточный, остатки“, *куннань* „трудный, трудность“ и т. д. из разряда прилагательных в существительные, слов *цзюедин* „решать, решение“, *баодао* „докладывать, доклад“, *фамин* „открывать, открытие“ и т. д. из разряда глаголов в существительные, т. е. даются примеры действительного изменения категориальной природы слова. Значения слов при этом совершенно не меняются, однако с точки зрения членов предложения эти слова обязательно переходят в разряд существительных; 2) в тексте этой же работы говорится: „Если значение слова не меняется, а меняется его позиция, то надо выяснить, является ли это изменение общим или специфическим“¹.

Однако установить критерий этого „общего“ и „специфического“ довольно трудно... Не проще ли сказать, что все выступающее в качестве „подлежащего“, „дополнения“ и „присвязочного члена“ обладает, как правило, „свойствами существительного“... „Переход слова виной разряд“ (не в разряд существительных) в данном случае невозможен. Поскольку в качестве подлежащего и дополнения чаще всего употребляются „существительные“, которые сами по себе распадаются на конкретные и абстрактные, постольку при употреблении в той же роли других частей речи, словосочетаний, придаточных предложений и т. п. требуются разъяснения, что они приобретают „свойства существительного“.

Только такой подход дает возможность считать, что подлежащее и другие основные члены предложения, пусть они выражены не существительным и не местоимением, все равно обозначают определенную вещь, определенный предмет; дает возможность легче схватить узловые моменты структуры предложения, концентрирует наши понятия, делает их более стабильными и едиными, способствует познанию основных законов грамматики и правильному их формированию².

Все положения в приведенной цитате, исключая вопрос о «переходе слова в другую категорию», изложены вполне правильно. По нашему мнению, коротко можно сказать так: слова³, употребленные в роли подлежащего и дополнения, являются абстрактными существительными; когда глагол употреблен в качестве подлежащего или дополнения, то его действие рассматривается как определенное явление, а глагол выступает наименованием этого явления; когда в качестве подлежащего или дополнения

¹ Т. е. является ли новая позиция обычной („общей“) для данного слова или же эта позиция необычна („специфична“). — Н. С., В. С.

² «Чжунго юфа цзючэнь» («Учебник китайской грамматики»), ч. 1, стр. 67—68.

³ Имеются в виду непредметные слова. — Н. С., В. С.

употребляется прилагательное, оно рассматривается так же, как наименование. Так, вышеприведенные слова *мань* «медленный», *жэ* «горячий», *доучжэп* «бороться», «раскулачивать», *ююн* «плавать» и т. д. выражают не действие или состояние, а служат наименованием действия или состояния.

После того, как этот вопрос освещен, мы можем перейти к вопросу о порядке слов.

Вообще говоря, в китайском языке существует следующий порядок слов: впереди идет подлежащее, затем — сказуемое; глагол ставится после подлежащего, дополнение следует за глаголом, определение ставится перед определяемым, поясняющие слова после поясняемых.

Порядок слов, а также учет взаимосвязей языкового материала (слов) с членами предложения помогают нам определить категориальную природу слов. Например, в качестве подлежащего и дополнения выступают существительные или местоимения.

В качестве поясняющего слова к глаголу обычно употребляется глагол или прилагательное.

Учет этих моментов оказывает определенную помощь при отнесении слов к той или иной части речи. Однако это всего лишь вспомогательное средство классификации слов по частям речи. Основным же критерием все же следует считать сочетаемость слов и взаимосвязь слов.

Нельзя сказать, что грамматисты ранее не опирались на форму при разграничении частей речи. Однако никто не брал ее в качестве единственного критерия.

В действительности же те, кто стремился разграничивать части речи, исходя из значения, встречаясь с практическими трудностями, неизбежно обращались к форме. Ван Ли решительно стоит на позициях семантической классификации слов. Он говорит: «В китайском языке разграничение слов по частям речи основывается почти исключительно на значении»¹. Однако, когда он разграничивает числительные и прилагательные, он пишет: «Мы не можем считать числительные видом прилагательных, поскольку прилагательные могут самостоятельно выступать в качестве сказуемого, а числительные не могут (*тао хуа хун* „цветы персика красны“ — можно сказать, а *тао хуа сань* „цветы персика три“ — нельзя); числительные могут принимать счетные слова², а прилагательные не могут (можно сказать *сань-до тао хуа* „три персиковых цветка“, дословно: „три штуки персиковых цветка“, а *хун до тао хуа* дословно: „красный штука персиковые цветы“ — нельзя). На наш взгляд, числительные в плане категориальной мысли отличаются от местоимений, а в грамматическом употреблении отличаются от прилагательных. Ввиду этого лучше всего рассматривать их как самостоятельную категорию, что, по крайней мере, для китайского языка может считаться применимым»³.

Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си в «Лекциях по грамматике и стилистике» также пишут: «Большинство глаголов и прилагательных могут выступать в качестве дополнений некоторых глаголов, например: *бу па дацзи* „не бояться удара“ и *таньту фанбянь* „стремиться к удобству“. Эта способность выступать в качестве дополнений у ряда глаголов есть общее свойство глаголов и прилагательных, и нет необходимости считать, что *дацзи* „ударить“ и *фанбянь* „удобный“ превращаются в существительные.

Однако в выражениях *гэй та игэ чжундады дацзи* „нанести ему серьезный удар“ и *гэй та чжун-чжун фанбянь* „создать ему все удобства“,

¹ Ван Ли, Чжунго юйфа ганьяо, стр. 43.

² «Даньвэй минци» — слова, служащие единицами счета, ставятся между числительными и существительными. — Н. С., В. С.

³ Ван Ли, Чжунго юйфа лилунь, т. 1, стр. 26—27.

во-первых, употреблен глагол *гэи*, который обычно не принимает глаголов или прилагательных в качестве дополнения, во-вторых, перед словом *дацзи* стоит *игэ* „одна штука“, а перед словом *фанбянь* стоит *чжун-чжун* „различного рода“; такое построение не свойственно глаголам и прилагательным, поэтому следует считать, что здесь слова *дацзи* и *фанбянь* уже превратились в существительные.

Большинство прилагательных может принимать *ла*, которое обозначает появление определенного качества или состояния. Например: *лянь хунла* „лицо покраснело“. Здесь *хун* „красный“ не следует считать глаголом. Однако во фразах *ба лян и хун*, *ню тоу цзю цзоу* „лицо вспыхнуло, он отвернулся и пошел“, *цунлай мэю хунго лян* „никогда раньше не краснел“ слово *хун* употреблено так, как обычное прилагательное употреблено быть не может, поэтому необходимо признать, что здесь оно уже превратилось в глагол.

Из приведенных выше цитат нетрудно увидеть, как авторы пользуются формой для определения категориальной природы слова. Этот факт свидетельствует о том, что без опоры на критерий формы разграничение слов по частям речи будет затруднено или окажется совершенно невозможным.

Если при разграничении слов по частям речи исходить из структуры и при определении категориальной природы слова, т. е. принадлежности слова к той или иной части речи, опираться на форму, то можно избежать хлопот с «основной принадлежностью», «измененной принадлежностью» и т. д.

Выше уже говорилось о том, что в китайском языке у отдельно взятых слов изменение по формам представлено незначительно. Как правильно, нет возможности определить свойства слова, взятого изолированно. Откуда же в таком случае выводится основная принадлежность слова? Можно опереться на значение, но поскольку нет никаких форм и есть лишь голая семантика, такой подход будет идеалистическим. Можно опереться на частоту употребления слова. Но это может лишь показать, что данное слово обычно употребляется в роли такой-то части речи, однако ничего не даст для проведения различия между «основной принадлежностью» слова и его «измененной принадлежностью».

Части речи являются структурными категориями, вне структуры не приходится говорить ни о каких категориях.

Могут спросить: «Значит, в нашем словаре невозможно указать на принадлежность слова к части речи?» Нет, не значит. Мы можем, исходя из постоянного употребления слова, указать, что это слово употребляется обычно в роли такой-то части речи. Если же еще привести для пояснения ряд примеров, то все будет в полном порядке.

Например, слово *мань* чаще всего употребляется в словосочетаниях *мань чэ* «медленный поезд», *цзоу-дэ хэнь мань* «идет очень медленно». Ничто не мешает нам отметить в словаре, что данное слово обычно употребляется как прилагательное. Однако нельзя говорить, что «прилагательное» есть «основная принадлежность» этого слова, поскольку изолированное слово не может иметь своей «основной принадлежности».

Мы неоднократно подчеркивали, что критерием для разграничения слов по частям речи должна быть форма. Значит ли это, что мы полностью отбрасываем значение? Нет, не значит. Мы отказываемся от конкретного специфического значения слова, поскольку оно относится к области семасиологического исследования. Что касается абстрактного, общего значения, то оно заслуживает нашего самого пристального внимания. Однако это значение воплощено не в отдельном слове, взятом изолированно; оно воплощено в сочетании слов друг с другом, во взаимосвязи слов.

Так называемая языковая форма есть результат выражения значения, а языковое «значение» опять-таки воплощено в форме. «Объектом изучения грамматики как науки является форма; надо, исходя из формы, выявлять заключенное в ней значение». В своей работе «Чжунго взньфа лунь» («Китайская грамматика») Хэ Жун выделил шесть способов выражения значения, присущие различным языкам: порядок слов, сочетаемость слов, повтор, звуковые изменения, силовое ударение и тон, аффиксация. Эти шесть способов и являются той формой, о которой мы говорим. Очевидно, что форма и значение тесно связаны друг с другом.

Части речи — категории, объективно существующие в языке, — это категории, которые выражаются самим языком. Каким образом они выражаются самим языком? Они выражаются посредством форм. Так называемые формальные особенности слов, принадлежащих к определенной части речи, представляют собой их общие черты, выраженные посредством формы.

Например, в выражениях *во шо* «я говорю», *во чи* «я ем», *во сяо* «я смеюсь», *во цзоу* «я иду» мы имеем сочетания четырех различных слов с одним и тем же словом. У всех этих сочетаний имеется определенное общее значение. Отсюда видно, что эти четыре различные слова должны быть отнесены к одной категории.

В выражениях *во лу* «я дорога», *во туй* «я нога» отсутствует какое-либо значение. Это свидетельствует о том, что слова *лу* и *туй* не входят в ту же категорию, что и *шо* «говорить», *чи* «есть» и т. п.

Если же взять сочетания этих последних слов с одним каким-либо другим словом, например, *и-тяо лу* «одна дорога», *и-тяо туй* «одна нога», то у этих сочетаний окажется общее значение. Это свидетельствует о том, что указанные слова принадлежат к другой категории.

Если же теперь соединить слова *шо* «говорить», *чи* «есть» и др. с *и-тяо* «одна штука» в выражения: *и-тяо шо* «одна штука говорить», *и-тяо чи* «одна штука есть», *и-тяо сяо* «одна штука смеяться», *и-тяо цзоу* «одна штука идти», то опять-таки не получится никакого значения.

Соединим теперь *шо* «говорить», *чи* «есть» с *чжо* (также и с *ла*, *го*)¹. Построения *шочжо* «говоря, говорит», *чичжо* «кушая, кушает», *сяочжо* «смеясь, смеется», *цзоучжо* «идя, идет» снова имеют общее значение. Если же соединить слова *лу* «дорога» и *туй* «нога» с *чжо* (*ла*, *го*) в построения *лу чжо*, *туй чжо*, то снова не получится никакого значения.

Отсюда мы утверждаем, что *шо* «говорить», *сяо* «смеяться», *чи* «есть», *кушать», цзоу «идти»* входят в одну категорию; *лу* «дорога», *туй* «нога» также относятся к одной категории.

Именно в этом смысле мы говорим, что категории слов выражаются присущими самому языку средствами выражения значения или что слова каждой категории обладают своими формальными особенностями, отличающими их от слов другой категории.

Перевели Н. Солнцева и В. Солнцев

¹ Различные видовые суффиксы — Н. С., В. С.